

УДК 9с(47.20)

Статья

**Проступки и преступления военных и гражданских
должностных лиц в Олонецком уезде:
итоги расследования дворянина Сергея Малово
по жалобам пашенных солдат и крестьян (1658)¹**

Брусницына Дарья Владимировна

Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина 33,
185910, Петрозаводск, Россия;

младший научный сотрудник МНОЦ CARELiCA
Института Североевропейских исследований ПетрГУ,
преподаватель кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений
Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ.

http://illmik.petrus.ru/illmik/Brusnitsina_CV_ru.html

Аннотация. В статье представлено исследование недавно выявленного архивного дела о расследовании злоупотреблений различных должностных лиц в Олонецком погосте, проведенном московским дворянином Сергеем Андронниковичем Малово в 1658 г. Ранее в историографии этот сюжет был неизвестен. Выявлено, что пашенные солдаты и крестьяне подали 187 жалоб на 101 должностное лицо, среди которых было 58 военных (в том числе 27 иностранцев) и 43 штатских. Обвинения условно поделены на две группы: совершенные в период нахождения в действующей армии или на территории различных Заонежских и Лопских погостов. Установлен масштаб злоупотреблений: из 22 погостов жалобы не поступили только из 3. Расследование выявило факты вымогательства денег, еды, вина, а также грабежей, сопровождавшихся насилием, нанесения телесных повреждений и даже убийства двух солдат полковником. Из 101 обвиненного только 81 должностное лицо понесло наказание, заключавшееся либо в возврате денег и дополнительно наложенном штрафе в пользу пострадавших, либо телесном наказании (батогами или кнутом). Выявлено, что из 27 иностранцев 15 не понесли никакого наказания, так как находились на военной службе в разных городах, 4 погибли, 2 умерли, 2 доказали свою невиновность. Таким образом, только 4 иностранных военнослужащих были принуждены к возврату полученных незаконно денег, ни один из них не понес телесного наказания.

Ключевые слова: Олонецкий уезд; XVII век; пашенные солдаты; преступления гражданских и военных; расследование Сергея Малово.

¹ Исследование выполняется в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки России (ГБТ № 653-14), в ходе реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг. и при поддержке РГНФ (проект № 13-31-01225a2)

Введение.

В период с 1649 по 1666 гг. черносошные крестьяне Олонецкого уезда были обязаны исполнять солдатскую и драгунскую службу в полках, первоначально созданных исключительно для охраны русско-шведской границы. По принципу формирования полков, форме обучения и типу вооружения это были полки нового, или по-другому иноземного, строя. Солдаты и драгуны этих полков обучались военному делу по западноевропейским образцам офицерами, приглашёнными из-за рубежа, но, в отличие от военнослужащих других полков нового строя, олонецкие солдаты и драгуны не получали за службу жалованья. На протяжении нескольких лет (1649—1653 гг.) их единственным вознаграждением считалось освобождение от уплаты тягла (данных и оброчных денег), и только начиная с 1654 г., когда в нарушение данного крестьянам обещания не высылать их на «дальние службы» олонецкие полки были отправлены на войну с Речью Посполитой, за нахождение в походной армии, участие в боях и осадах, пашенным солдатам и драгунам стали выплачивать жалованье (деньгами и продуктами)¹. Освобождение солдатских дворов от уплаты тягла при этом сохранялось.

Крайне важно подчеркнуть, что в солдаты записали не всех черносошных крестьян Олонецкого уезда, часть из них была выделена в особую группу так называемых «охудалых» крестьян. До настоящего времени в существующей историографии вопрос о критериях, по которым прибирали в солдаты или, наоборот, не прибирали, а записывали в категорию «охудалых», не получил должного освещения и в нём сохраняется много неясности.

В данной статье будет предпринята попытка выяснить, на основании каких критериев часть черносошных крестьян Олонецкого уезда была освобождена от солдатской службы и отнесена к группе «охудалых».

Историография, источники

Со времён выхода в свет очерков по истории Карелии XVI—XVII вв. Р. Б. Мюллер в историографии утвердилось мнение, что группу «охудалых крестьян» Олонецкого уезда составляли его беднейшие жители [22: 131]. По словам исследовательницы, первоначальный проект введения солдатской службы, предполагавший привлечение к службе всего трудоспособного населения Заонежских и Лопских погостов, не был осуществлен в таком виде, так как выяснилось, что в регионе было много крестьян с трудом тянувших своё хозяйство, задолжавших или совсем безземельных, которые по причине своей крайней бедности не могли нести солдатскую службу [22: 131]. Р. Б. Мюллер отметила, что все сколько-нибудь зажиточные крестьяне в возрасте от 20 до 50 лет были вписаны в солдатские списки, а в группу «охудалых» были включены только совсем маломощные хозяева [22: 131].

Таким образом, Р. Б. Мюллер предположила, что крестьянское население поделили на солдат и «охудалых крестьян» на основании их зажиточности или бедности, хотя и сделала оговорку, что точный критерий, каким руководствовалась администрация при зачислении хозяйства в «охудалое», неизвестен [22: 131]. Тем не менее вполне очевидно, что в качестве основного критерия деления населения на две группы Р. Б. Мюллер признавала экономическую обеспеченность хозяйства, необходимую крестьянам для несения солдатской и драгунской службы.

¹ В мае 1654 г. перед отправкой олонецких пашенных солдат на войну с Речью Посполитой им было выдано жалованье по 3 рубля человеку [17: 576]. В 1658 г. царским указом им было велено давать жалованье на месяц по 20 алтын, а также по четверику сухарей, по две гривенки соли человеку и по четверику круп и толокна на четырех человек [18: 34—35]. В 1663 г. олонецкие драгуны получили «на подъем» по 4 рубля, а солдатам было велено давать на месяц по 1 алтыну, а также хлеб и сухари [18: 469].

Ввиду того что «охудалые крестьяне» были освобождены от солдатской службы, они продолжали уплачивать тягло, называвшееся в период существования института пашенных солдат «охудалым», как и сами крестьяне, это тягло уплачивавшие. Важно заметить, Р. Б. Мюллер полагала, что «охудалые крестьяне» несли тягло в пониженном размере [23: 394].

Т. В. Старостина также придерживалась точки зрения Р. Б. Мюллер о крайней бедности «охудалых» крестьян. Такой вывод следует из её слов, что в солдаты не писали только «совсем “охудалых” или монастырских крестьян» [25: 3]. А. Ю. Жуков и А. С. Рыжков, упоминая «охудалых крестьян», в скобках делали пояснения, что это были беднейшие крестьяне [21: 109], [24: 270]. И. А. Чернякова, изучив землевладение и землепользование черносошных, монастырских, помещичьих и обельных крестьян в Карелии XVII века, не выделяла отдельно группу «охудалых крестьян» [27]. Е. Д. Суслова, рассмотрев в своей диссертации вопрос о службе причетников и детей клириков в пашенных солдатах, выявила, что, стремясь избежать службы, они принимали духовный сан или испрашивали для себя статус «охудалых» [26: 21].

В нескольких ранее опубликованных статьях мы вслед за Р. Б. Мюллер, Т. В. Старостиной, А. Ю. Жуковым и А. С. Рыжковым так же отождествляли «охудалых крестьян» с беднейшими жителями Олонецкого уезда [19: 104], [20: 110—111]. Однако в ходе дальнейшего изучения источников, содержащих сведения о крестьянах этого приграничного региона в период существования института пашенных солдат (1649—1666 гг.), выявились случаи, не вписывающиеся в концепцию, предложенную Р. Б. Мюллер. В частности, некоторые «охудалые крестьяне» являлись крупными кредиторами в отношении «волостных людей» или занимали должности старост и целовальников, что также подразумевает определённую материальную обеспеченность. Это привело нас к мысли о необходимости более глубокого исследования вопроса о том, кем являлись олонецкие «охудалые крестьяне» и почему их не прибирали на солдатскую службу. Мы убеждены, что изученный нами комплекс документов, включающий актовые материалы, переписную книгу 1657 г. солдатского высельщика Ивана Семёновича Дивова и бюджетные сметы доходов и расходов Олонецкого уезда, дают основание значительно уточнить и дополнить существующую в историографии точку зрения по этому вопросу.

«Охудалые крестьяне»

В выпуске словаря русского языка XI—XVII вв., вышедшем в свет в 1988 г., прилагательное «охудалый» трактуется как обедневший и приводятся ссылки на два опубликованных документа за 1611 и 1627 гг. [28: 88]. Также в словаре дано определение «охудалого тягла», понимаемое составителями как «тягло с предоставлением льгот обедневшим крестьянам». При этом в данном случае в подтверждение такой трактовки приведена цитата из документа фонда «Олонецкая воеводская изба» от 1664 г.: «А в прошлые годы я холоп платил охудалое тягло ... а ныне на мне холопе правят» [28: 88].

Мы обратились к полному тексту цитируемого документа¹ и определили, что этот акт является челобитной солдата Шуйского погоста деревни Бесовец Ивашки Иванова с просьбой

¹ Документы фонда «Олонецкая воеводская изба» доступны автору в оцифрованном виде в Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии, действующей с 2004 г. на историческом факультете ПетрГУ под руководством к. и. н., доцента И. А. Черняковой, где в рамках проекта, поддержанного РФФИ и РГНФ в 2005—2007 гг., эти документы были прочитаны и транслитерированы силами студентов и соискателей. В настоящее время документы проходят завершающую стадию редактирования и будут опубликованы в сети Интернет в виде полнотекстовой базы данных в сопровождении каталога заголовков дел. Поиск цитируемого документа показал, что в словаре ошибочно дана ссылка на картон 6. На самом деле документ хранится в картоне 5.

о снятии с него «охудалого тягла» и позволении служить в солдатах, как прежде [13: 1]. Вывод составителей словаря о том, что «охудалое тягло» предоставляло обедневшим крестьянам льготы, сделанный на основании этой челобитной, не может считаться обоснованным, так как в документе нет никаких указаний ни на бедность челобитчика, ни на какие-либо льготы, которые у него были в период уплаты «охудалого тягла». Ивашка Иванов действительно сообщил, что в прежние годы платил «охудалое тягло», и пожаловался, что после того как был записан в солдаты и, следовательно, должен был быть освобождён от уплаты тягла, староста продолжал требовать с него деньги и государев четвертной хлеб как с «охудалого». Таким образом, в документе не было речи о том, что «охудалое тягло» было льготным. Это было тягло, уплачивавшееся крестьянином, не прибранным на солдатскую службу.

Подытожим, один и тот же человек – Ивашка Иванов из деревни Бесовец Шуйского погоста – сначала был «охудалым крестьянином» (то есть очень бедным, в соответствии с существующей в историографии точкой зрения), потом был прибран в солдаты. Возникает вопрос: что изменилось в положении этого «охудалого крестьянина», так что стало возможным записать его в солдаты? Если развивать концепцию Р. Б. Мюллер, то придётся предположить, что улучшилось его материальное положение и он из группы беднейших перешёл в группу более обеспеченных. Однако, во-первых, таких сведений в изученных источниках нет; во-вторых, совершенно неясно, как материальное положение могло улучшиться в течение всего нескольких лет.

Попробуем объяснить данную ситуацию с иной точки зрения. Дело в том, что имя Ивашки Иванова зафиксировано в перечне «охудалых крестьян» в переписных книгах солдатского высылщика И. С. Дивова в 1657 г. [15: 1077об.]. В то время ему было 14 лет и по возрасту он не подходил для солдатской службы (Дивов записывал в солдаты с 15 лет). В переписных книгах 1657 г. нет сведений об отце или братьях Ивашки Иванова. Вероятно, в то время он был единственным мужчиной во дворе. Важно подчеркнуть, что, если со двора хоть один мужчина был прибран на солдатскую службу, остальные члены семьи, проживавшие с ним в одном дворе, получали статус солдатских родственников или захребетников. Следовательно, если Ивашка Иванов не являлся солдатским родственником, значит в 1657 г. у него не было родственников-солдат, которые проживали бы с ним в одном дворе. После достижения 15-летнего возраста, в период между 1658 и 1662 гг., он был внесён в солдатские списки, что подтверждается его челобитной. Однако в связи с тем, что после «разбора» на очереди, произведённого в 1663/64 г. стольником Петром Зиновьевым, имя Ивашки Иванова «в книги не попало» и староста снова стал «править» на нём тягло, крестьянин подал челобитную с просьбой разобраться в сложившейся ситуации и велеть ему снова служить в солдатах «как прежде», а старосте не велеть «править» с него «охудалое тягло». Резолюция была положительной. Было велено внести его имя в солдатские списки вместо корелянина, записанного в солдаты «не делом», а «охудалое тягло» не править [13: 1об.].

Разобранный случай, во-первых, показывает необоснованность на примере данной челобитной определения «охудалого тягла» как тягла с предоставлением крестьянам льгот, а во-вторых, демонстрирует явление, на которое ранее в историографии не обращали внимания, а именно случаи перехода «охудалых крестьян» в солдаты и обратно. На протяжении всего периода существования солдатской службы крестьяне Олонецкого уезда могли переходить из пашенных солдат в «охудалые крестьяне» (и, как следствие, они снова должны были уплачивать тягло, называвшееся в то время «охудалым») или из «охудалых крестьян» в пашенные солдаты (в этом случае, наоборот, приобреталось освобождение от упла-

ты тягла). Выявление таких переходов подтверждает нашу мысль о необходимости пересмотра вопроса о критериях разделения черносошного населения в период с 1649 по 1666 гг. на пашенных солдат и «охудалых крестьян» и уточнения, действительно ли бедность являлась основанием для зачисления в «охудалые».

На основании изученных источников мы выяснили, что солдаты могли перейти в группу «охудалых крестьян», если становились не годными к службе по состоянию здоровья или в результате достижения преклонного возраста при условии, что с их двора больше некого было прибрать на службу. Также солдатские отцы, то есть крестьяне, сами к службе не годные, в случае смерти или гибели их сыновей-солдат, переводились в состояние «охудалых», то есть с них снималась льгота по освобождению от тягла, но только в том случае, если во дворе больше не было мужчин, годных к службе. В подтверждение приведём сведения из источника о крестьянине Шуйского погоста Сергушке Васильеве сыне Готушкове. В период до 1655 г. он и его сын Тимошка служили солдатскую службу, потом Тимошка погиб, а его отец подал челобитную с просьбой об освобождении его от службы из-за старости и о записи в «охудалые крестьяне» [2: 30б.], [7: 10б.]. Наказная память по этой челобитной проливает свет на критерии записи в группу «охудалых». Сергушке было велено «для одиночества и старости быти в охудал[ых] крестьянех». При этом перечислялись все условия, необходимые для перевода в «охудалые»: если «тот Сергушка будет семидесяти лет¹, а сын его Тимошка будет ум[ер], а иных детей у него будет нет, и в салдацкую службу б[удет] из двора его написать некого, и тебе б тому Сергушки впр[едь] велет[ь] быти в охудалых» [7: 10б.]. Также вероятно, для определения размера тягла — было велено сообщить воеводе, «сколько под ним тяглоу участ[ка] живущей и оброчной и пустые земли вытным числом» [7: 10б.]. Таким образом, из приведённого примера очевидно, что в группу «охудалых крестьян» зачисляли и бывших солдат, если сами они по возрасту уже не могли служить и больше со двора в солдаты записать было некого.

В то же время «охудалые крестьяне» могли стать солдатами, как в рассмотренном выше случае с Иваном Ивановым, или солдатскими родственниками, когда с их двора кого-либо прибирали на службу. Это приводило к освобождению двора от уплаты тягла. Для подтверждения нашего вывода особенно важны случаи, когда из категории «охудалых» в категорию солдатских родственников переводили увечных, то есть не годных к службе крестьян. Так, в 1657 г. в Важенском погосте Иван Дивов написал в перечень солдатских родственников, не годных к службе по возрасту или состоянию здоровья (книга 7), «вновь из худалых» увечного солдатского брата Симачку Панфилова, а с ним его племянника, солдатского сына, 11-летнего Сенку Агапитова [15: 1094об.]. Нами установлено, что отец Сенки и брат Симачки – Агапитко Панфилов был прибран в солдаты Дивовым в 1657 г. [15: 339], и именно это привело к переводу Симачки и Сенки из категории «охудалых» в категорию солдатских родственников, несмотря на то что сами они в службу были не годны, один по причине увечья, другой по возрасту.

В восьмой из переписных книг Дивова с перечнем «охудалых крестьян», бобылей, вдов и их родственников из 1052 имён нами выявлено 27 случаев, когда в категорию «охудалых» были записаны или бывшие солдаты, которые состарились, получили увечье или тяжело заболели.

¹ В историографии принято, что с 1649 г. в солдаты в Олонецком уезде записывали крестьян в возрасте от 20 до 50 лет [22; 131], а с 1657 г. — с 15-летнего возраста. В связи с этим указанный возраст — 70 лет — значительно превышает принятый в историографии предельный возраст службы в солдатах. Полагаем, что это либо описка, либо пример того, как по-разному реализовывался указ о записи в солдатскую службу в отношении отдельных крестьян.

ли, или бывшие солдатские отцы, братья или племянники, потерявшие после смерти солдата-родственника право не уплачивать тягло.

Формулировки напротив имён в выявленных случаях были даны разные: от кратких («вновь охудалой», «написан вновь в охудалые» или «из солдатских отцов вновь в охудалые») до развернутого объяснения, почему производился такой перевод. Не в каждом случае нам удалось выяснить причину перевода в «охудалые крестьяне», но некоторые факты довольно убедительны.

Вот три пояснения из восьмой книги Дивова о переводе в «охудалые»: «Михалка Фёдоров был в салдатах и по досмотру околичного и воеводы Василья Александровича Чоглокова отставлен из салдат и ныне быть в охудалых» [15: 1085]; «Ивашко Маркелов да брат его Митрошка по государеве грамоте из салдат отставлены, бы[ть] им обоим в охудалых, у Митрошки три сына Ивашко 11 лет, Сенка 10 лет, Ивашко 9 лет» [15: 1087—1087об.]; «Филка Кручинин по досмотру из салдат отставлен, потому что на брюхи вал прогрызло и быть ему в охудалых» [15: 1093].

Также приведём факты о переводе в «охудалые» солдатских родственников по причине гибели на службе их сыновей, отцов и других членов семьи. Так, в Шунгском погосте в «охудалые» были переведены солдатский отец Курявка Меркурьев (у него умер сын-солдат Гришка Куренков), Роспутка Еремеев с двумя внуками 11 и 8 лет (у него умер сын-солдат Гаврилка Роспутин), Васка Семёнов (его сын-солдат Дмитрейко Васильев сбежал в 1650/51 г.), Климко Июдин (его отец-солдат Июдка Васильев умер «на Великих Луках») [15: 1083—1084]; в Выгозерском погосте – Ортёмко Еустафьев (его сын-солдат Сергушка Артемьев был убит на службе), Осташко Терентьев (его сын-солдат Савка Остафьев умер), Ивашко Козмин (два его сына-солдата умерли: Кондрашко Иванов – в Витебске, Конашко Иванов – «на Великих Луках»), Юрейко Наумов (его сын-солдат Петрушка Юрьев был убит под Озерищами), Семешка Костянтинов с внуком Овдокимком Томилиным 11 лет (два его сына-солдата умерли: Томилка Семёнов умер в Вялиже, Сергушка Семёнов был убит под Сурошском) [15: 1085—1086об.]; в Кижском погосте – Созонко Фёдоров (его сын-солдат Ивашко Созонов умер в Усвяте), Жданко Левонтьев с сыном Марчком и внуком (правнуком) Микифорком Шумилиным (в этой семье погибли три солдата – сыновья Марчко: Савка и Ивашко Марковы были убиты в Озерищах, а Шумилка Марков – умер «на Олонце») [15: 1087—1091об.]; в Важенском погосте – Павелко Микитин (два его сына-солдата умерли: Прошка Павлов был убит на службе, Степашко Павлов – умер дома) [15: 1094—1094об.].

Выводы

Проведенный нами анализ показал, что черносозных крестьян Олонецкого уезда в период с 1649 по 1666 гг. делили на пашенных солдат и «охудалых крестьян» вовсе не на основании их хозяйственной обеспеченности, а по критерию наличия или отсутствия во дворах мужчин, годных по возрасту и состоянию здоровья к несению солдатской службы. Даже если это были дворы бедных крестьян или у них был совсем небольшой участок земли, но во дворе проживали годные к службе мужчины, этих мужчин записывали в солдатские ряды, а дворы освобождали от тягла. В подтверждение нашего вывода приведём ещё некоторые данные источников.

Во-первых, среди актов Олонецкой воеводской избы есть челобитные «охудалых крестьян» с жалобами на других крестьян и солдат, задолжавших им крупные суммы денег [3: 1—2]. Совершенно очевидно, что беднейшие крестьяне не могли оказаться в роли кредиторов, наоборот, они зачастую являлись должниками.

Во-вторых, в документах встречаются данные о старостах и целовальниках, которые являлись «охудальными крестьянами» [10: 1 с об.], [11: 1]. Как известно, существовало требование на должность старосты выбирать людей «добрых», «прожиточных», то есть тех, которые в случае недоимки или в случае необходимости внести в казну сразу большую сумму денег могли это сделать из собственных средств, с тем чтобы впоследствии взыскать эти средства с волостных людей.

В-третьих, когда летом 1649 г. воеводы Волконский и Елагин «пересматривали» крестьян на предмет их годности к службе, они выяснили, что с некоторых дворов им некого взять в солдаты, так как в этих дворах жили старые, больные, увечные крестьяне или вдовы с малыми детьми. Воеводы сообщили, что хотели заставить этих крестьян «наймать в их место» кого-нибудь, однако старосты им сказали, что люди те «маломочные» и денег на найм у них нет. Тогда воеводы сделали запрос в Москву, как им поступать с этими крестьянами, жившими на тяглой земле. Мы не знаем, что ответили из центра. Ни в одном из сохранившихся документов ответ на этот вопрос не содержится. Что касается слов старост о том, что все перечисленные люди являются «маломочными», то эти слова можно подвергнуть сомнению. Из других источников известно, что старосты периодически уличались в представлении ложных сказок — с целью, например, скрыть часть дворов и людей в них от переписчиков [16: 168—170]. Так они могли и в данном случае скрыть настоящий уровень зажиточности некоторых крестьян, во дворах которых не было мужчин, годных по возрасту и состоянию здоровья к несению солдатской службы.

Кроме того, следует обратить внимание, что старосты, а вслед за ними и воеводы, говоря о бедных крестьянах, употребляли понятие «маломочные», а не «охудальные». Это также может свидетельствовать в пользу нашего вывода, что понятие «охудальные крестьяне» употреблялось в период существования института пашенных солдат для обозначения не самых бедных, а категории крестьян, с дворов которых некого было взять в солдаты.

Конечно, многие «охудальные крестьяне», действительно, могли быть бедными. Старость, увечность, болезнь ограничивали возможность преуспеть в тяжелом крестьянском труде. Также, вероятно, и большинству вдов с малыми детьми ведение хозяйства давалось тяжело. Тем не менее, выше уже были упомянуты «охудальные крестьяне» — кредиторы, ссужавшие волостным людям немалые деньги. В таких случаях «охудальными крестьянами» являлись не бедняки, а зажиточные хозяева, которые, однако, в силу своего преклонного возраста или по состоянию здоровья не подходили под критерии годности к солдатской службе, а сыновей подходящего возраста или состояния здоровья у них не было. Возможно, в семье вовсе не было сыновей, а были только дочери. Таким образом, и зажиточные крестьяне могли оказаться в категории «охудальных». Это подтверждает ещё один документ — наказная память пушкарю Томиле Сафонову, направленному в 1651 г. в погосты Олонецкого уезда для разрешения спорных ситуаций при расселении «сошлых крестьян», возвращённых на места прежнего жительства. Как выяснилось из наказной памяти, вернувшиеся «сошлые крестьяне» подали воеводе жалобу на местных солдат и «охудальных крестьян», которые заняли их землю и теперь «владеют многими участки, участка по два и по три и по четыре и по пяти и болши» [1: 156]. Полагаем, что перечисление в жалобе «охудальных крестьян» в одном ряду с солдатами и сообщение, что все они владеют несколькими участками, свидетельствует против мнения о малоземельности как об одном из основных критериев зачисления в группу «охудальных крестьян».

Здесь важно ещё раз подчеркнуть, что «охудалое тягло», уплачиваемое «охудальными крестьянами», вовсе не было ниже обычного тягла, которое взималось с черносошных кре-

стьян до введения службы пашенных солдат. Оно было точно таким же. Об этом свидетельствуют бюджетные сметы Олонецкого уезда, в которых о крестьянах, прибранных в солдаты, написано, что они от уплаты оброчных и данных денег освобождены, а «охудалым крестьянам» следовало тягло «платить по прежнему» [14: 22], а так как до введения службы категории «охудалых крестьян» в Заонежских и Лопских погостах не существовало и не существовало «охудалого тягла», будет справедливым признать, что для не записанных в солдаты крестьян тягло осталось в прежнем размере. Это еще раз подтверждает, что государство не выделяло среди крестьян категорию беднейших и не давало «охудалым крестьянам» никаких льгот в уплате тягла. Вся политика, проводимая в это время в Олонецком уезде, была подчинена реализации мероприятий по организации солдатской службы, поэтому и крестьян делили на две категории: солдат и их родственников, которые проживали с ними в одном дворе, и в этом случае дворы освобождались от тягла, и «охудалых крестьян», с дворов которых некого было взять в солдаты, поэтому им не полагалось освобождение от тягла, они платили его «по прежнему». В 1665 г., за год до отмены службы пашенных солдат, воевода В. А. Чоглоков сообщил в Москву о записи 1461 солдата «для старости в охудалые в тягло» [18: 672]. Подчеркнем, что определяющим критерием для зачисления в группу «охудалых» в данном случае послужила «старость», а не «бедность».

Таким образом, наше исследование совершенно определенно показало, что разница между группами пашенных солдат и «охудалых крестьян» заключалась не в материальной обеспеченности, а в наличии или отсутствии во дворе мужчин, годных к несению солдатской службы, и от этого обстоятельства крестьянский двор мог приобрести либо статус солдатского и быть освобожденным от тягла, либо статус «охудалого» и быть обязанным тягло уплачивать.

Источники и литература

Опубликованные источники:

1. 1651, апреля 6. — Наказная память олонецкого воеводы Чоглокова пушкарю Томиле Софониному о водворении государевых сошлых крестьян в Заонежских погостах и Лопских волостях на прежних их участках и о сборе полоняничных денег // АИ. Т. IV. № 51. С. 155—156.

Неопубликованные:

НАУЧНЫЙ АРХИВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН

ФОНД 98. ОЛОНЕЦКАЯ ВОЕВОДСКАЯ ИЗБА

2. 1655, марта 14. — Список с наказной памяти старосте Шуйского погоста Петрушке Макарову по челобитной крестьянина Шуйского погоста Сергушки Васильева сына Готушкова по поводу солдатской службы // К. 3. Д. 16 (а). Сст. 3 об.
3. 1658, октября 10. — Челобитная «охудалого крестьянина» Сергички Васильева сына Готушкова на бывшего старосту Шуйского погоста Калинку Насонова и волостных людей Данилу Ондреева и других в неуплате кабального долга // К. 2. Д. 86. Сст. 1—2.
4. 1658. — Челобитная солдата Кижского погоста Великогубского конца Яндомозерской волости Васки Кондратьева с просьбой освобождения от службы из-за болезни и переводе в «охудалые крестьяне» // К. 2. Д. 92/1. Сст. 1 с об.
5. Не ранее 1659. — Челобитная крестьянина Лопского Селецкого погоста Гимольской выставки деревни Вонгерской Ортюшки Стахиева об отмене распоряжения о высылке его на государеву службу и о переводе его в «охудалые крестьяне» по его болезни и бедности и необходимости

кормить семью его брата, который служит в солдатах далеко от дома уже шестой год // К. 3. Д. 22. Сст. 1.

6. 1660, январь. — Дело об отказе крестьян и солдат того же конца различных волостей Левки Макарьева с товарищами (более 6 человек) возвращать «охудалому крестьянину» того же конца Федке Евсееву посопные деньги за 1658/59 г., уплаченные последним за них на Олонце // К. 3. Д. 14. Сст. 1—3.
7. 1661, июль. — Список с наказной памяти воеводы Василия Александровича Чоглокова по челобитной Шуйского погоста Сергушки о переводе его в «охудалые крестьяне» в случае, если подтвердится, что он стар, сын его Тимошка умер, а иных родственников нет и взять на службу некого // К. 3. Д. 16 (т). Сст. 1об.
8. 1661, апреля 9. — Челобитная «охудалого крестьянина» Никольского Шунгского погоста Роспутки Ульянова с жалобой на старост Дружину Федорова и других (всего 5 имен) и на всех жителей погоста в том, что челобитчик заплатил свои деньги в городе Архангельске за замену разбитого колокола по посылочной записи, а мирские люди ему их не вернули // К. 4. Д. 22. Сст. 1 с об.
9. Б/д. — Челобитная увечного солдата Олонецкого погоста деревни Аннютосы Гордюшки Игнатьева о выписке из солдат и зачислении в «охудалые крестьяне» из-за старости, бедности и болезней его и матери // К. 4. Д. 115. Сст. 1об.
10. 1663/64. — Челобитная «охудалого крестьянина» Якушки Копьева из Шуйского погоста Пяозерской волости Мунозерского конца, выбранного в целовальники кружечного двора, с просьбой об освобождении его от уплаты солдатских расходов за старост и волостных людей Мунозерского конца // К. 4. Д. 118. Сст. 1 с об.
11. 1664, января 4. — Челобитная «охудалого крестьянина» старосты Шунгского погоста Паверки Иванова за всех «охудалых крестьян» об отсрочке до летнего водного пути высылки денежных и хлебных выплат за три года, так как провоз их по зимнему пути дорог // К. 5. Д. 1. Сст. 1.
12. 1664, января 18. — Челобитная бывшего пономаря Тубозерской волости Георгиевского Толвуйского погоста Ивашки Пантелеева, отставленного от церковной должности по старости, с просьбой о записи его в число «охудалых» крестьян и о передаче «выморочного» солдатского участка, которым пользуются, не уплачивая податей и оброка, солдатский отец Панкрашка Ананьин с детьми // К. 5. Д. 19. Сст. 1 с об.
13. 1664, марта 8. — Челобитная солдата Шуйского погоста деревни Бесовец Ивана Иванова о снятии с него «охудалого тягла» и позволении служить в солдатах, как прежде // К. 5. Д. 56. Сст. 1.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

ФОНД 137. БОЯРСКИЕ И ГОРОДОВЫЕ КНИГИ.

14. 1650. — Олонца города сметной список окладным и неокладным всяким денежным доходам и сборам, и сколько сих денег издержано // Ф. 137. Олонец. Д. 2. 63 л.
15. 1657. — Переписные книги солдат и крестьян Заонежских и Лопских погостов Ивана Семеновича Дивова 1657 г. // Оп. 1. Олонец. Кн. 5. 1130 л. с об.

ФОНД 141. ПРИКАЗНЫЕ ДЕЛА СТАРЫХ ЛЕТ

16. 1649. — Дело о наборе из Заонежских погостов крестьян для солдатских драгунских полков Александра Гамента да Мартина Кармихела // Ф. 141. 1649. Д. 29. 368 л.
17. 1652. — Дела по челобитным разных служилых иноземцев, просящих о государственном жалованье // Ф. 141. 1652. Д. 79. 369 л.
18. 1659. — Дело о выдаче Олонецким и Заонежским начальным людям казакам и солдатам государственного хлебного и денежного жалованья. Тут же и другие разные воинские дела разных городов солдатам // Ф. 141. 1659. Д. 19. 694 л.

ЛИТЕРАТУРА

19. Брусницына Д. В. Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века: по материалам Олонецкой воеводской избы // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 31. С. 104—118.

20. Брусницына Д. В. Переписные книги Ивана Дивова 1657 г. как источник по истории карельских пашенных солдат // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований. 2012. № 21 (101). С. 108—117.
21. Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород: НовГУ им. Я. Мудрого, 2003. 256 с.
22. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск: Госиздат К.-Ф. ССР, 1947. 176 с.
23. Мюллер Р. Б. Карелия в XVII веке: Сборник документов. Петрозаводск: Госиздат. К.—Ф. ССР, 1948. 442 с.
24. Рыжков А. С. Опыт составления электронной базы данных по переписным книгам карельских пашенных солдат Ивана Дивова // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI – XX веков». К столетию со дня рождения П. А. Колесникова. М.: Древлехранилище, 2008. С. 269—274.
25. Старостина Т. В. Пашенные солдаты: К 450-летию русской регулярной армии // Военный вестник: Ежемесячный военно-патриотический историко-культурный альманах. 2000. № 7. С. 3. [Приложение к газете «Карелия» № 47 (646). 21 июля 2000].
26. Суслова Е. Д. Церковь и крестьянское сообщество в Карелии в конце XV – начале XVIII в. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к.и.н. Специальность 07.00.02. – Отеч. история. СПб., 2012. 31 с.
27. Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. 295 с.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

28. Словарь русского языка. Вып. 14. М.: Наука, 1988.

Daria V. Brusnitsyna

Research Assistant, Interdisciplinary scientific-educational center CARELiCA,
Northern European Studies Institute of PetrSU,
Lecturer in the Department of General history of the Faculty of history of PetrSU

POPULATION OF OLONETSKII UEZD (1649—1666):
ploughmen soldiers and peasants, who are unable to serve (okhudalye)

Abstract. The focus of the article the question of criteria for the Division of the černosušnogo population of the Olonets County during the existence of the soldier's service (1649—1666) into two categories: pašennyh and ohudalyh «peasants». Is well-established in the historiography of the view that the ohudalyh of peasants «were the poorest inhabitants of the County, is liberated from the soldier's service as a result of extreme poverty. It is concluded that in the category of «ohudalyh» made the yards, which was good to men of soldier's service.

Key words: *Olonetskii uезд; the 17th century; regular regiments; ploughmen soldiers; okhudalye peasants*